

Янь Дуншэнь, услышав это, опустил взгляд и, тяжело вздохнув, обронил:

— Она твердит, что пути Будды и демона не пересекаются, и поэтому всячески меня отвергает. Но я никогда не обращал внимания на то, что она демон.

Шуй Угоу замер в изумлении. Линь Сюэцзи — демон?

Янь Дуншэнь, заметив выражение крайнего недоумения на лице собеседника, невольно вздохнул и, выдавив из себя слабую улыбку, ответил:

— Люди в мире сем презирают подобные запретные чувства, но мне всё равно. Раз я люблю её — этого достаточно.

Шуй Угоу смутился, покраснел и поспешил оправдаться:

— Ты не так меня понял, я вовсе не это имел в виду. Я просто... просто...

Он запнулся на полуслове, размышляя про себя: Янь Дуншэнь — последователь Будды? Это ладно, с этим можно смириться. Но Линь Сюэцзи — демон, это как вообще понимать!

Вспомнив слова Тань Юньина о том, что в этом году его ждет персиковая карма, он начал мысленно проклинать всё на свете: Неужели эта карма — какой-то злобный демон? Боже мой! Да как же так! Это наверняка Тань Юньин, этот негодник, специально меня обманул!

Янь Дуншэнь, видя, как меняется лицо собеседника, решил, что Шуй Угоу не в силах принять такую странную любовь, и поспешил сгладить неловкость:

— Кстати, Сымин, ты спас меня, и я не знаю, как тебя отблагодарить. Может, мне остаться во Дворце Тяньфу и прислуживать тебе какое-то время? Я, конечно, не мастер, но кое-что смыслю в музыке и живописи. Если Сымин заскучает, я с радостью развлеку тебя.

Шуй Угоу вздрогнул. Лисица-оборотень хочет отплатить добром за добро? Нахмурившись, он тут же начал размышлять: Зачем этому лису оставаться во Дворце Тяньфу? Неужели у него есть какой-то умысел?

Как говорится, если кто-то без причины проявляет чрезмерную заботу, то либо он замышляет зло, либо хочет чего-то добиться. Будучи Сымином, Шуй Угоу постоянно сталкивался с людьми, которые кланчили у него милости, поэтому он больше всего на свете опасался подобных любезностей и прямо сказал:

— Дуншэнь, не называй меня всё время Сымин, это звучит слишком официально. Давай просто называть друг друга по именам. Ты здесь гость, а если начнешь прислуживать, люди еще подумают, что я с тобой бесчеловечно обращаюсь.

Янь Дуншэнь взглянул на него так кротко, что Шуй Угоу невольно проникся жалостью и, осторожно прощупывая почву, спросил:

— И что же это за человек — Линь Сюэцзи? Видел я ту веревку для связывания демонов, обладающую недюжинной магической силой, должно быть, она весьма могущественна?

Янь Дуншэнь с обожанием посмотрел на любопытного Шуй Угоу, думая про себя: Раз он спросил о Сюэцзи, лучше рассказать ему всё как есть. Вдруг удастся разжалобить его, а там, глядишь, и судьбу Сюэцзи получится изменить.

Янь Дуншэнь выпрямился, принял печальный вид и начал свою исповедь:

— Ты многого не знаешь, Угоу. Сюэцзи — это одинокий цветок хиганбана, выросший в гиблом месте, где вокруг одни хищники. Оттого и характер у неё холодный, но сердце доброе, да и ко мне она не так уж плоха. Я был набожным буддистом, когда случайно встретил её, и мы полюбили друг друга. Но из-за козней злопыхателей мы поссорились.

На глазах у Янь Дуншэня выступили слезы, голос дрогнул, и он срывающимся от рыданий тоном продолжил:

— Я долго искал её и с трудом нашел в Цинцю. Но у неё нрав горячий, слушать мои объяснения она не захотела, мы снова повздорили, и она, разозлившись, связала меня.

Шуй Угоу нахмурился так, что брови едва не сошлись на переносице. Он подумал, что, возможно, был несправедлив к Линь Сюэцзи, и, виновато похлопав Янь Дуншэня по плечу, принялся утешать:

— Вам обоим нелегко. В следующий раз, когда найдешь её, поговори с ней спокойно, она обязательно тебя простит.

Янь Дуншэнь, пользуясь моментом, пустил слезу и, печально глядя на закатное солнце, пробивающееся сквозь окно, с тоской произнес:

— Я искал её несколько лет, спрашивал повсюду, испробовал все способы, чтобы найти её. А теперь она снова куда-то сбежала. Боюсь, найти её во второй раз будет сложнее, чем достать звезду с неба.

Едва он договорил, как слезы упали на руку Шуй Угоу. Вид страдающего от любви Янь Дуншэня больно отозвался в сердце доброго и красивого Сымина.

— Если бы я только знал, где она... Я бы преследовал её до самого края света. Если в этой жизни я не добьюсь её прощения, какой смысл мне жить? — Янь Дуншэнь припал к груди Шуй Угоу и снова зарыдал. Его жалобный голос, словно лезвие ножа, терзал сердце отзывчивого юноши.

Шуй Угоу вздохнул и принялся успокаивать его:

— Не переживай, я погадаю и узнаю, где она.

Сказав это, он наколдовал медные монеты для гадания, потряс их в ладонях и подбросил. Монеты, подпрыгивая, легли на стол, указывая направление, где скрывалась Линь Сюэцзи.

— Нашел! Этот демон цветов сейчас... — Шуй Угоу на мгновение засомневался, присмотрелся внимательнее и медленно произнес: — В Цинцю...

Они встретились взглядами. В глазах Янь Дуншэня блеснули слезы радости, он шептал:

— Я так и знал, что она лишь на словах сурова, а сердцем мягка. Должно быть, она видела, что я тяжело ранен, и не смогла уйти далеко, осталась ждать там.

Шуй Угоу подумал, что Линь Сюэцзи, пожалуй, не совсем бессердечна. Вспомнив, что веревка для связывания демонов внезапно развязалась сама собой, он решил, что это, несомненно, была она. Но почему Линь Сюэцзи не спасла Янь Дуншэня лично?

Шуй Угоу не мог этого понять, а затем одернул себя: Какое мне до этого дело? Зачем я ломаю голову? Ой, нет! Пойдите! Эта Линь Сюэцзи — моя персиковая карма!

При этой мысли Шуй Угоу сразу оживился. Хотя он и не желал верить, что у него может быть роман с демоном, гадание не могло лгать. Множество вопросов, словно муравьи, зашевелились в его голове, вызывая крайнее раздражение.

— Раз мы выяснили, где она, я пойду с тобой, чтобы взглянуть на неё. Если она снова вздумает связать тебя, я её развяжу, — сказал Шуй Угоу, хотя в глубине души им двигало любопытство: хотелось поскорее увидеть эту Линь Сюэцзи.

Янь Дуншэнь прекрасно понимал, что даже если они узнают, где она, толку мало. Этот демон цветов скрывалась от него, глупого лиса, тысячи лет, и каждый раз всё заканчивалось парой фраз и её бегством. Поэтому на душе у него было холодно: какой прок удерживать человека, если не можешь удержать его сердце?

Янь Дуншэнь приложил руку ко лбу и вздохнул, роняя безмолвные слезы, отчего сердце Шуй Угоу вновь сжалось от жалости.

— Ох, ну что ты опять плачешь, красавец? Не надо, встретишь её — поговоришь по душам, она не станет снова тебя связывать. — Глядя на то, как он убивается, Шуй Угоу решил, что Линь Сюэцзи — бессердечная особа: довести такого нежного и чувственного красавца до слез — это же надо совсем не уметь ценить прекрасное!

Янь Дуншэнь, рыдая у него на груди, с глубокой тоской и безысходностью причитал:

— Угоу так любезно погадал для меня, но она ведь будет прятаться от меня снова и снова. Неужели мне теперь всю жизнь беспокоить тебя своими гаданиями?

— Всю жизнь? — Шуй Угоу вздрогнул и с оттенком грусти спросил: — А ты знаешь, насколько длинна эта жизнь?

Янь Дуншэнь горько усмехнулся:

— С тех пор как я встретил её, прошли десятки тысяч лет. Я думал, что мой огонь остынет, столкнувшись с её холодом, но любовь — это то, от чего невозможно сбежать, стоит лишь попасть в её сети. Пожалуй, я действительно буду искать её всю жизнь.

Янь Дуншэнь вспомнил, как Линь Сюэцзи всегда насмехалась над ним, называя его чувства показными, а самого его — холодным до мозга костей. Он нахмурился, в его глазах промелькнула самоирония: этот демон цветов, которая сама никогда никого не любила, как она смеет нести такую чепуху?

Шуй Угоу, наблюдая за переменной выразительности на лице Янь Дуншэня, решил, что Линь Сюэцзи — не знающая сострадания тварь, и проникся к ней еще большим презрением. В то же время он молил небеса, чтобы эта Линь Сюэцзи не испортила его собственную судьбу.

Шуй Угоу посмотрел на печального Янь Дуншэня и предложил:

— Может, мне погадать для тебя еще раз? Посмотрим, суждено ли вам быть вместе в этой жизни.

Янь Дуншэнь встрепнулся, кивнул и просиял.

Шуй Угоу снова потряс монеты. Увидев результат гадания, он был поражен: судьба наполовину сулила беду, наполовину — удачу, их связь была неоднозначной. Он не знал, как об этом сказать.

Янь Дуншэнь не понимал гадания, но видел замешательство на лице Шуй Угоу. Вспомнив, что во всех предыдущих перерождениях он не мог добиться Линь Сюэцзи, он решил, что и в этой жизни будет так же, поэтому не слишком опечалился.

Янь Дуншэнь первым решил утешить Шуй Угоу и, через силу улыбнувшись, сказал:

— Ничего страшного. Даже если нам не суждено быть вместе, я доволен. Если я смогу хотя бы просто смотреть на неё всю жизнь — этого достаточно.

Шуй Угоу был в недоумении. Он видел немало несчастных влюбленных, но у всех были причины. Почему Янь Дуншэнь так привязан к ней?

Шуй Угоу осторожно спросил:

— Дуншэнь, почему именно она? Бывает, что людям действительно не суждено быть вместе. Если ты будешь упорствовать, то не только испортишь свою судьбу, но и нарушишь течение

жизни других.

Он хотел продолжить уговоры, но увидел в глазах Янь Дуншэня решимость. В его голосе, полном нежности и властности, прозвучало:

— Я мог бы остаться женщиной и быть с ней вечно, но она сказала, что если бы я был мужчиной, она была бы счастлива.

На этот раз Янь Дуншэнь заплакал по-настоящему. Его глаза покраснели, горло сдавило спазмом, руки судорожно сжимали пряди волос, а в словах сквозила невыразимая скорбь:

— Но когда я сменил пол и уже не мог ничего изменить, она лишь сказала: Глупый лис, но такой милый в своей глупости.

Шуй Угоу, видя, как тот рыдает, возненавидел Линь Сюэцзи еще больше. Но, вдумавшись, понял: должно быть, Линь Сюэцзи поначалу совсем не любила Янь Дуншэня, раз так его обманывала. И именно поэтому возникла эта запретная связь.

Шуй Угоу снова вздохнул. Оказывается, Янь Дуншэнь мог бы быть женщиной.

Шуй Угоу замер, вглядываясь в нежное лицо Янь Дуншэня, и подумал: Если бы он был женщиной... Неужели моя карма — это он? Неужели я полюблю его?

Шуй Угоу начал фантазировать и невольно покраснел. Янь Дуншэнь, лежащий в его объятиях, был так предан своей любви, но ведь его сердце уже занято!

Тьфу, тьфу, тьфу! Что за глупости! С чего бы мне влюбляться в мужчину!

Шуй Угоу корил себя за слабохарактерность и за то, что его мысли унеслись неведь куда. Он покачал головой и нахмурился.

Янь Дуншэнь, лежа в его объятиях и чувствуя мягкосердечность Шуй Угоу, осторожно спросил:

— Угоу, как думаешь, если мне суждено вечно встречаться с ней, и куда бы она ни бежала, я всегда смогу её найти, могу ли я сказать ей, что мы — пара, предназначенная судьбой?

Янь Дуншэнь снова сделал грустное лицо и, всхлипывая, добавил:

— Она всегда говорит, что мы не пара, но ведь судьба свела меня с ней, разве этого недостаточно?

Шуй Угоу хотелось взяться за голову. В этом мире люди встречаются не просто так, но встреча — это еще не доказательство предопределенности. Иначе получается, что тот проклятый Тань Юньин — его пара?

— Не переживай, я буду гадать для тебя, и даже если она убежит на край света, я её найду, — пообещал Шуй Угоу, сочувствуя тому, что Янь Дуншэнь связался с такой бездушной особой.

Затем он подумал, что стоит погадать и самому Янь Дуншэню, чтобы узнать, почему его судьба так полна невзгод. По логике вещей, такая трагическая судьба не дается просто так. Неужели в прошлой жизни он совершил какой-то грех, за который теперь расплачивается?

Шуй Угоу приподнял Янь Дуншэня и спросил:

— Дуншэнь, давай я погадаю тебе? Посмотрим, что ждет тебя в этой жизни.

<http://bllate.org/book/19137/1879568>